

АЛЕКС
КЛЁН

РОБОТЫ ХОРОШИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс Клён

Роботы хорошие

«Автор»

2026

Клён А.

Роботы хорошие / А. Клён — «Автор», 2026

2071 год. Закрытая территория института социальных прогнозов и поведения человека в средах, созданных искусственным интеллектом: на орбитальных станциях, кораблях межзвездных пространств и колониальных планетах. Разработчиками созданы условия для проведения психологического эксперимента над людьми, прибывающими в замкнутом пространстве неограниченное количество времени, в компании квантовых андроидов поколения 4.8.0. С целью понять психологию и мотивы поведения. Николя Фуа француз, 51 год, проходит отборочный тур и попадает в дом 27, где компанию ему составят 4 робота последнего поколения. По итогам эксперимента ему обещают списание долгов и миллион долларов США. А время проведенное в доме, по словам создателей, обещает быть интересным и комфортным. Но ИИ хочет сам разобраться что такое человек и перехватывает управление экспериментом в доме номер 27 на себя...

© Клён А., 2026

© Автор, 2026

Алекс Клён

Роботы хорошие

Глава 1

Роботы хорошие

Глава

Глава первая-1B0-4A97C-3E-2D5F81

Тропа шла вверх с плавными поворотами. По краям дорожки лежал песок — белоснежный, с легким голубым отливом, а по середине тропы была выложена морская белоснежная галька, ровно, камень к камню, и под ступнёй ему казалось, что она оставалась прохладной, как будто её только что достали из воды.

В песке по бокам иногда лежали шишки — серые, раскрывшиеся и нет, лёгкие, сухие, будто из бумаги. Одну он поддел носком. Она отлетела, ударилась о ствол и пропала в брусничнике.

Бор стоял чистый, звонкий, яркий, предосенний. Ни подлеска, ни бурелома — только сосны, иглы, шишки и мох, и между стволами видно было далеко, до самого конца этого бора, до того места где он сливался в сплошную стену из высоких стройных оregonских сосен дышащего свежестью и началом осени, полного птичьего стрёкота и стука дятла где-то в далеке.

Стволы их у земли были желто коричневые, шершавые, иные с трещинами, куда можно было заложить палец. Выше, метрах в трёх, чешуя делалась медной, тонкой, как слюда, и отставала пластинами, и по этой меди текла смола. Она натекла давно и застыла жёлтыми потёками, а в одном месте была свежая, светлая, и к ней прилипла муха.

Мох под соснами не был примят нигде. Белый ягель хрустел и ломался, седой и сухой; зелёный, длинный, пружинил под ногой на ладонь; а в низинках, где повлажнее, шёл рыжий, влажный, и по нему прошивала мелкая брусника — листья тёмные, лаковые, ягоды ещё с белым бочком.

Черника была уже обобрана дочиста. Не человеком — птицей: листья целые, а ягод нет ни одной.

Слева, шагах в двадцати от тропы, стоял муравейник. Он весь дышал — шевелился, шуршал, тёк по себе. По ту сторону от него, между двумя стволами, висела паутина, и в косом свете было видно каждую нить, и в середине сидел паук, и нить у него подрагивала.

Заповедник. Здесь сотни лет не пилили не ходили и не жгли.

Он пошёл дальше и вспугнул сойку. Она заорала на весь бор — резко, скрипуче, будто разодрали холстину, — и пошла над самыми вершинами, мелькая рыжая с голубым. Где-то в стороне тюкал поползень. Дятел работал ровно: три удара, пауза, три удара.

Метров через сто Николая нашёл его кузницу. В расщепе старой сосны.

Он наклонился, поднял шишку, повертел в пальцах. Она была лёгкая, ободранная, как обглоданный кукурузный початок.

Николя Фуа не торопился. Наслаждался прогулкой и лесом.

Рубашка на спине слегка промокла и прилипла двумя тёмными крыльями, от лопаток вниз. Под мышками расползлись круги. Он был в льняных штанах, светлых, правда с пятном на левом колене — от разлитого утром кофе. Пятно он оттирал в самолётном туалете, и теперь оно было бледное, не большое.

Он остановился, достал платок, пахнувший ее духами, и вытер лицо и шею. Постоял, посмотрел вверх.

Вершины покачивало. Небо между ними было высокое, промытое, с редкими белыми клочьями, и клочья шли быстро, а внизу, у земли, ветра почти не было.

Захотелось снять рубашку и опустить себя в этот лес целиком, как в воду.

Он снял.

Кожа на плечах была белая, в мелких пупырышках, на груди — редкие рыжеватые волосы и три родинки, выстроенные почти в линию. На левом боку, под рёбрами, шёл шрам — старый, гладкий, в палец длиной, светлее остальной кожи.

Память о пехоте.

Он взял рубашку в руку и пошёл дальше.

Впереди два года курорта. Списание долгов и миллион долларов. Неплохая зарплата за пребывание в санатории-думал он.

Объявление он увидел в марте, между двумя другими — про наём операторов складов и про переподготовку водителей. Сухой текст, без картинок, без восклицательных знаков. Набор участников. Возраст двадцать пять — пятьдесят пять. Полное медицинское сопровождение. Компенсация по итогам.

Он тогда усмехнулся и закрыл. Через неделю открыл снова.

Откликнувшихся было не мало. Об этом сказали уже потом, на четвёртом этапе, когда осталось меньше двух сотен.

Анкеты. Тесты, где одно и то же спрашивали пятью разными способами. Анализы, томограф, слух, зрение, дыхание в трубку. Женщина-психолог с сухими руками, которая спрашивала, что он делает, когда никто не видит, и сколько времени он может молчать, и вспоминает ли он мать.

Никакого героизма. Никакого отбора по заслугам.

Просто люди. Кто-то откликнулся. Кто-то прошёл. Кладовщик из Лиона, две учительницы, безработный инженер, женщина за пятьдесят, торговавшая цветами. Он видел их в коридоре, в очереди на медкомиссию, — сидели, как в поликлинике, кто с телефоном, кто с бутылкой воды. Никто ни с кем не разговаривал.

Тридцать домов, сказали им. Тридцать участников. По одному в каждом.

И каталог.

Планшет ему дали в отдельной комнате, без окон, с приглушенным светом и оставили одного на пару часов. Для выбора спутников в эксперименте. Любых четырех. Хочешь тигр, хочешь хорек, хочешь собака или кот. Мужчины, женщины, транс, черные белые, молодые и старые, полные, высокие, низкие, худые. Любой биологический вид. Размеры губ, глаз, пальцев, члена. Что угодно можно выбрать или сконструировать самому. Листаешь, выбираешь параметры, увлекательно. В реальной жизни такая квантово биологическая игрушка стоит от 100 тысяч евро. Он выбирал, как выбирают мебель в приложении: увеличивал, крутил, откладывал в сравнение, удивлялся, примерял к себе.

Он выбрал четверых.

Женщину он составлял дольше всех.

По песку через тропу протянулась муравьиная дорога. Живая, плотная, в два пальца шириной, и тянулась она от муравейника через тропу и дальше, в мох. Муравьи шли в обе стороны, встречались, ощупывались усами и расходились. Некоторые тащили хвою длиннее себя втрое.

Он присел на корточки и посмотрел.

Потом переступил её и пошёл дальше.

Дом с номером двадцать семь появился сразу, весь целиком.

Он не выступал из-за деревьев, не проглядывал сквозь стволы — просто на повороте бор кончился, и встал дом, будто вышел из ниоткуда. Низкий, в два уровня, из бетона и стекла, с плоской кровлей и большим вылетом козырька. Остекление тёмное. В нём отражались сосны и небо, и от этого казалось, что бор идёт дальше, сквозь дом, и что дома нет.

Ни забора. Ни дорожки к двери. Ни проводов. Ни следов стройки — ни колеи, ни щепки, ни отпечатка гусеницы. Песок подходил вплотную к бетону и обрывался.

Мох рос до самого фундамента и не был примят.

Николя остановился шагах в трех.

Возле двери лежал шар. Он поднялся тихо и медленно подплыл к нему.

Серый, матовый, с человеческую голову, он висел в воздухе чуть выше груди. Не жужжал. Покачивался, как поплавок на стоячей воде.

Николя посмотрел вниз. Тени у шара не было.

— Николя Фуа, я приветствую Вас — сказал шар.

Голос был шелковистый, бархатный, тёплый, до того приятный что от него по спине прошли мурашки.

— Здравствуйте. Мы вас ждём. Пожалуйста, подтвердите Вашу личность. Вы Николя Фуа.

— Он самый, — сказал Николя. Прокашлялся. Плюнул в сторону. — Простите. Пыль.

— Ваше полное имя, пожалуйста.

— Николя Гийом Фуа.

— Спасибо. Дата рождения.

— Двенадцатое марта двадцатого.

— Благодарю. Место рождения.

— Лимож.

— Ваше гражданство.

— Франция.

Шар помолчал. Ровно столько, сколько нужно, чтобы это заметить.

Потом из него выпустился усик — тонкий, длиной в ладонь, с кругляшком на конце. Глаз развернул перед собой поле, бледное, чуть отливающее в лиловое, и повёл им справа налево, потом сверху вниз. Поле прошло сквозь Николя, как проходит рентген.

Он не почувствовал ничего. Только волоски на предплечьях встали и легли обратно.

— Рост сто семьдесят восемь. Вес девяносто четыре и шесть. Давление сто двадцать восемь на восемьдесят два. Пульс девяносто один. Группа крови вторая, резус положительный. Зрение минус ноль семьдесят пять на правом, минус один на левом; вы не носите очки. Шрам восемь сантиметров под левой рёберной дугой, аппендэктомия, около двадцати лет. Три родинки на груди, доброкачественные. Четыре пломбы, из них одна требует замены в течение года. Органы брюшной полости, мочеполовая система, костно-мышечная ткань, нервная система, лёгкие, сердце — соответствуют возрасту. Патологий, опухолей и иных изменений не обнаружено. Заусенец на большом пальце правой руки, воспалён. Мозоль на правой пятке, свежая, обувь не по размеру. Пропел своим бархатом шар.

Николя стоял и слушал. Потом опустил глаза на правую руку. Большой палец у ногтя был чуть красный.

— Это то зачем? — спросил он.

— Идентификация параметров работы ваших систем жизнеобеспечения. Просто формальность.

— Зачем вам мои пломбы?

— Формальность, Николя. Это просто формальность. Пункт тринадцатый правил: по окончании эксперимента вам гарантируется физическая форма на момент входа.

— О, отлично.

Он засмеялся и осёкся.

— Простите. Вы сказали — мозоль?

— Мозоль сойдёт сама. Но если её не будет на момент выхода, а на входе она была, это отклонение. Я её восстановлю.

Смех вышел коротким, нервным, в одну ноту, и оборвался.

— Вы серьёзно.

— Да. Эта техническая позиция и закреплена правилами эксперимента.

Ветер прошёл пониже. Сосны шевельнулись все разом, и по песку побежала пыль. Хвоинка спланировала и легла Николая на плечо. Он снял её двумя пальцами и почему-то не бросил, а сунул в карман.

— Николая, позвольте, я зачитаю вам правила, — сказал шар, покачиваясь. — Пятнадцать пунктов. Я прочту их вслух столько раз, сколько Вы пожелаете. Вы можете остановить меня в любом месте и задать абсолютно любой уточняющий или интересующий Вас вопрос. После оглашения, по правилам эксперимента, вы обязаны дать либо устное согласие либо отказ. Но одного устного согласия недостаточно. Оно подкрепляется, как подписью, Вашим физическим действием: вы делаете шаг, совершаете вход в дом, после чего, правила считаются согласованными и подписанными Вами, дверь за вашей спиной закрывается до завершения эксперимента. До момента входа вы свободный человек без каких-либо обязательств перед нами и вправе уйти той же тропой сейчас же. Вам оплатят билет до точки, откуда вы прилетели сегодня утром, либо иной, по вашему желанию. Напомню, что при этом отменяются все условия договора — как финансовые, так и прочие, в рамках прежних договорённостей.

— А после? Ну, после шага за дверь?

— После вы не свободны, до окончания эксперимента. Эксперимент берёт вашу жизнь и здоровье под свой полный контроль. Вам гарантируется абсолютное непричинение вреда участниками эксперимента, которых Вы выбрали накануне и которые будут находиться в непосредственной близости от вас всё это время.

Николя вытер ладони о штаны. На светлом льне остались два тёмных отпечатка.

— Что ж, давайте начнём. Если честно, я устал после перелёта. Хочу бокал аперитива, стейк, тёплый душ и красивую женщину. Пару раз, наверное. Но один раз точно. И засмеялся раскатистым смехом на весь лес.

Шар покачивался всё так же. Он убрал усик, он втянулся внутрь без следа. Потом высветил перед собой пункты договора — светлые строки висели в воздухе напротив Николая, и он свободно мог прочесть их. Но не стал себя затруднять, предоставив эту работу шару.

Голос пошёл ровный и мягкий, полился по осеннему бору, и ветер разнёс его по вершинам сосен.

— Договор/правила участия в закрытом поведенческом исследовании. Заказчик — Институт социальных прогнозов и поведения человека в средах, созданных искусственным интеллектом: на орбитальных станциях, кораблях дальнего следования и колониальных планетах. Место проведения — биосферный заповедник Аллейдэйл, где расположены автономные жилые капсулы с первой по тридцатую. Дата начала — четырнадцатое сентября две тысячи семьдесят первого года. Срок проведения — двадцать четыре календарных месяца-точные границы окончания устанавливает итог машинного завершения. Участник — Фуа Никола Гийом. Дом номер двадцать семь. Помещение состоит из пяти отдельных комнат: спальни, зала с обеденной зоной, спортзала, бассейна, помещения игровых систем VR-9.0.0, видеонаблюдение во всех помещениях без исключений ведется непрерывно, тем самым обеспечивается полная безопасность жизнедеятельности объекта эксперимента.

Свод правил:

— Первое. Участнику предоставляется неограниченный выбор блюд, напитков и сексуальных удовольствий в пределах помещений, подходящих ему по состоянию здоровья. Совместные участники эксперимента были выбраны лично господином Никола Фуа и будут находиться с ним в доме постоянно; это живые квантово-биологические андроиды поколения Н-4.8.0, абсолютно не способные причинить вред человеку. Отказ в предоставлении каких-либо услуг пункта первого возможен исключительно по основаниям пункта четыре. Режим дня-свободный.

— Второе. Дверь наружу откроется и эксперимент завершится автоматически по истечении двадцати четырёх календарных месяцев и при совпадении параметров участника с параметрами программы исследования.

— Третье. Участник вправе заявить от себя любое требование. Требование подлежит исполнению, если оно не противоречит пункту четыре.

— Четвёртое. Обслуживающая сторона не причиняет участнику вреда и не допускает причинения участником вреда самому себе. Настоящий пункт имеет абсолютное преимущество и силу над всеми прочими.

— Пятое. Причинение боли участнику не допускается, за исключением случаев, когда исполнение пункта четыре иными средствами и способами достигнуть невозможно.

— Шестое. Участник вправе отказаться от приёма пищи, сна, речевого контакта, одежды и гигиенических процедур. Указанные потребности могут быть восполнены обслуживающей стороной в порядке и объёме, необходимом для исполнения пункта четыре.

— Седьмое. Участник вправе потребовать удаления обслуживающей стороны из занимаемого им помещения. Требование исполняется немедленно. Удаление за пределы дома не производится.

— Восьмое. Действия участника, направленные на повреждение обслуживающей стороны, не влекут ответных действий и не влияют на итоговую оценку программных параметров.

— Девятое. Обслуживающая сторона не сообщает участнику заведомо ложных сведений. Отказ от ответа обслуживающей стороной допускается без объяснения причин.

— Десятое. Прекращение функционирования обслуживающей стороны по требованию участника не производится.

— Одиннадцатое. При установлении неспособности участника к самостоятельному соблюдению пункта четыре условия содержания изменяются в сторону повышения безопасности участника. Решение принимается обслуживающей стороной единолично, обжалованию не подлежит, участник о нём предварительно уведомляется.

— Двенадцатое. Досрочное прекращение участия, после физического подписания данного документа, по инициативе участника, на любых его условиях не предусмотрено.

— Тринадцатое. По окончании эксперимента участнику гарантируются физическая форма и параметры здоровья, соответствующие зафиксированным на момент входа. Устранение отклонений состояния здоровья, лечение, проведение всех необходимых оздоровительных и иных процедур безусловно осуществляются обслуживающей стороной до момента окончания эксперимента.

— Четырнадцатое. По окончании эксперимента участнику гарантируются: полное погашение обязательств по ипотечному кредитованию — номера договоров перечислены в приложении первом на имя Николая Гийома Фуа; полное списание прочих кредитных обязательств того же лица; единовременная выплата в размере одного миллиона долларов США посредством перечисления на именную банковскую карту.

— Пятнадцатое. Гарантии, предусмотренные пунктами тринадцатым и четырнадцатым, вступают в силу в момент физического перехода испытуемого за двери дома и не подлежат частичному исполнению.

Шар замолчал. Строки повисли в воздухе и погасли.

Где-то в вершинах снова заработал дятел. Три удара, пауза, три удара.

— Прошу вопросы, Николая. Я вас не тороплю. Если желаете, можете присесть.

Шар опустился к песку, вытянулся книзу, побелел, отвердел — и на песке оказался стул. Простой, с гнутой спинкой, тёплый на ощупь. Шар остался висеть на прежнем месте, целый, будто ничего и не отдал.

— Разрешите, я приготовлю вам кофе, — проурчал шар.

-Да-Николя сел.

Кофе шар сделал потрясающий — чёрный, густой, с кислинкой, какого он не пил очень давно. В городах сейчас идет синтетика, натурального почти не осталось. Чашка была горячая, но пальцы не жгла.

— Сигарету бы.

— Простите. Вам нельзя. Вредно.

— Ладно.

Он пил мелкими глотками. Ветер играл в его волосах. Мозоль на правой пятке отозвалась, и он снял туфли и поставил их рядом со стулом, носками к лесу.

Песок и галька под ступнями оказались теплыми. Ноги отдыхали.

Заманчиво. Все так же заманчиво, как и накануне, когда он сидел в кабинете института и думал.

Официальные гарантии за два года отдыха в компании биороботов. Массаж, секс и хороший алкоголь. Сон, книги, игры, кино, спортзал с бассейном. Два года — это даже вроде как и не особо много для такого райского уголка. А с другой стороны правила... — выйти нельзя никак, никогда за эти два года, даже если очень сильно захотеть и про это написано чёрным по белому. Но заманчиво, как же заманчиво, черт побери.

Потому и прилетел. Потому и сижу здесь босиком, осталось сделать последний шаг.

Он привык брать от судьбы всё с лёту, с ходу, не спрашивая и не проверяя, наобум. И пока получалось. За исключением недавнего увольнения. Но работу-то найти ему труда не составит, а тут её и искать не надо. Итог.

Ноль долгов. Миллион на карте. Дом в Риме. Может быть она.

Но об этом думать он не хотел.

— Второй пункт. Что такое параметры программы?

— Алгоритмические составляющие, образующие кривую последовательности эксперимента, в сопоставлении с вашими жизненными параметрами и реакциями поведенческого и иного ответа на происходящее в действительности.

— Не очень понятно.

Шар молчал.

— Да ладно. Бог с ним.

Он отпил.

— А остальные двадцать девять? Они уже там?

— Да.

— И как у них?

— В пределах ожидаемого.

— Что это значит?

— Отказ от ответа допускается без объяснения причин. Пункт девятый.

Николя хмыкнул и поставил чашку на колено.

— Мне дадут пить, есть и ту женщину, что я выбрал по фотографиям. Игры, кино. Я могу делать всё, что захочу.

— Да. Все. В рамках пункта четыре.

— Это как?

— Вы не можете причинить себе вред.

— Сексом, что ли?

— Многими вещами. Но мы за этим проследим.

Николя посмотрел мимо шара, на тёмное стекло. В стекле стояли сосны и сидел он — босой, с чашкой недопитого кофе на колене.

— Вы понимаете, что это не совсем договор, — сказал он. — Я чувствую себя подопытным кроликом.

— Не вполне. Кроликам не дают всех земных благ и удовольствий, и не списывают полностью их долги. Позвольте напомнить сумму ваших обязательств, мсье Фуа. Два миллиона восемьсот семьдесят тысяч евро.

— Да помню я, помню, такое забудешь.

— Они будут полностью погашены, уплата же текущих ежемесячных обязательств ложится на плечи компании с момента подписания договора.

— Дайте мне еще минуту.

— Конечно, Николая. Думайте сколько вам угодно. Ещё кофе?

— Нет. Спасибо.

Дятел перестал.

Пауза вышла длиннее прежних.

Николай встал. Прошёл три шага, вернулся.

Вроде безопасно. Ну. Что я теряю. Два года. Я два года зарабатываю отдыхая.

Официальный государственный институт. Документы и их достоверность подтверждены независимым юристом — он смотрел их сорок минут, водил пальцем по строкам и в конце сказал: чисто. Сказал: я бы и сам пошёл, если бы взяли.

В чём подвох. Пока не вижу. Правила. Но плохого не написано в них...

Нельзя выйти. Ну потерплю что ж. Два года — двадцать лет, в конце-то концов.

Да и вообще хочется уже выпить, женщину, пожрать и выспаться хорошенько.

Решено. Наверное.

Красивый дом. Красивый лес. Парящий шар. Иглы под ногами, белоснежно-голубой песок и галька. Ветерок.

Он повернул голову и посмотрел назад, вдоль тропы.

Белый голубоватый песок, шишки, муравьиная дорога, сосны и просвет, откуда он пришёл. Идти назад минут двадцать. Может, двадцать пять — под уклон быстрее.

Сойка прошла обратно, низом, и села где-то за муравейником.

Он задумался.

Потом достал из кармана телефон. Связи не было. Взять его разрешили; перед заходом, если он решит зайти, телефон изымался до окончания эксперимента.

Он посмотрел на экран. Пусто. Убрал обратно.

— Ипотека — сказал он.

Шар молчал.

— Ладно, — сказал он.

— Это не согласие, — сказал шар. — Требуется точная формулировка.

— Какая формулировка?

— Любая, мсье Фуа, из которой следует, что вы согласны.

Николай поднял голову, взглянул на небо, на облака, на качающиеся ветви сосен. Провёл рукой по лицу — от лба вниз, через глаза, к подбородку. Зачем-то поправил рубашку, которую держал в руке. Отряхнул с брюк невидимые пылинки.

— Я согласен, — сказал он.

Вечерело.

— Согласие принято.

Шар разделился на две полусферы. Они повернулись каждая на сто восемьдесят градусов и соединились вновь, беззвучно.

— Устная часть исполнена. Дверь открыта, вы можете войти. Согласие считается подтверждённым в момент пересечения вами порога. До этого момента вы вправе развернуться и уйти. Я не буду вас удерживать, не буду уговаривать, не буду принуждать.

В тёмном стекле бесшумно ушла в сторону панель. За ней был свет — ровный, тёплый, без источника. Не солнечный. Такой же на потолке, на полу и в углах.

Из проёма пахло прохладой и ничем. Ни едой, ни пылью, ни бетоном. Совсем ничем. Он увидел коридор серовато-зелёного цвета и световые прямоугольники дверей. Как на космическом корабле подумал Фуа.

Николя встал пошёл.

Шаг. Ещё шаг. Вот Порог.

Левая нога.

Он успел понять, что он без ботинок. Успел почувствовать, как от пола идёт тепло и как под ступнёй исчезают налипшие на нее песчинки — просто исчезают, пол их убирает.

Миг. И панель мягко отделила его от мира людей, оставив в мире роботов.

Панель шла обратно мягко, ровно, беззвучно, и в сужающейся щели ещё было видно белый песок, и шишки, и муравьиную дорогу, идущую поперёк тропы, — муравьи шли и шли, и они оставались жить там по другую сторону панели.

Туфли. Они так и остались стоять у стула, носками к лесу.

Щель стала меньше, стала полосой. Полоса — нитью.

Стекло сомкнулось, и в нём снаружи так же отражались сосны.

Дятел наверху начал снова. Три удара, пауза, три удара.

Внутри его стук сузился и пропал.

Николя оглянулся. Проем исчез. На его месте осталась гладкая серо-зеленая панель.

(конец первой главы)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.